

МАРИНА

В огромном городе моем ночь

ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ
1906 — 1941

Лучшая поэзия. Серебряный век

Марина Цветаева

**В огромном городе моем ночь.
Стихотворения 1906–1941**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос-Рус)1-5

Цветаева М. И.

В огромном городе моем ночь. Стихотворения 1906–1941 /
М. И. Цветаева — «АСТ», 2018 — (Лучшая поэзия. Серебряный
век)

ISBN 978-5-17-110001-8

Марина Цветаева – выдающийся русский поэт Серебряного века. Ее исповедальность, эмоциональная напряженность и образный, стремительный, насыщенный смыслами язык оказались созвучны и нынешней эпохе. Уже второе столетие читатель пленен «непобедимыми ритмами» Цветаевой.

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос-Рус)1-5

ISBN 978-5-17-110001-8

© Цветаева М. И., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

«Не смейтесь вы над юным поколеньем!»	9
В Париже	10
Молитва	11
В Люксембургском саду	12
Мука́ и му́ка	13
В. Я. Брюсову	14
Зимой	15
Маме	16
«Мы с тобою лишь два отголоска...»	17
Только девочка	18
В пятнадцать лет	19
Душа и имя	20
Старуха	21
Домики старой Москвы	22
«Посвящаю эти строки...»	23
«Идешь, на меня похожий...»	25
«Моим стихам, написанным так рано...»	27
«Солнцем жилки налиты – не кровью...»	28
«Вы, идущие мимо меня...»	29
«Сердце, пламени капризней...»	30
«Мальчиком, бегущим резво...»	31
«Я сейчас лежу ничком...»	32
«Идите же! – Мой голос нем...»	34
Байрону	35
«Уж сколько их упало в эту бездну...»	36
«Быть нежной, бешеной и шумной...»	38
Генералам двенадцатого года	40
«Над Феодосией угас...»	42
С.Э.	43
Але	44
1	45
2	46
«Милый друг, ушедший дальше, чем за море!»	48
«Не думаю, не жалею, не спорю...»	49
«Я видела Вас три раза...»	50
Бабушке	51
«Под лаской плюшевого пледа...»	52
«Сегодня таяло, сегодня...»	53
«Хочу у зеркала, где муть...»	54
«Вспомните: всех голов мне дороже...»	55
«Радость всех невинных глаз...»	56
«Безумье – и благоразумье...»	57
Анне Ахматовой	58
«Легкомыслие! – Милый грех...»	59
«Что видят они? – Пальто...»	60
«Мне нравится, что Вы больны не мной...»	61

«Какой-нибудь предок мой был – скрипач...»	62
«Спят трещотки и псы соседовы...»	64
«С большою нежностью – потому...»	65
«В гибельном фолианте...»	66
«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!»	67
«Два солнца стынут – о Господи, пощади!»	68
«Цыганская страсть разлуки!»	69
«Даны мне были и голос любой...»	70
«Никто ничего не отнял!»	71
«Ты запрокидываешь голову...»	72
«Откуда такая нежность?»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Марина Ивановна Цветаева
В огромном городе моем ночь
Стихотворения 1906–1941

Серия «Лучшая поэзия. Серебряный век»

Составление и вступительная статья Виктории Горпинко

© Виктория Горпинко, сост. и вступ. ст., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941) – выдающаяся русская поэтесса Серебряного века, прозаик, переводчица. Стихи писала с раннего детства, путь в литературе начинала под влиянием московских символистов. Первый же ее поэтический сборник «Вечерний альбом» (1910), изданный за свой счет, получил одобрительные отзывы. Максимилиан Волошин считал, что до Цветаевой еще никому с такой документальной убедительностью не удавалось написать «о детстве из детства», и отмечал, что юный автор «владеет не только стихом, но и четкой внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг».

После революции, чтобы прокормить себя и двух дочерей, в первый и последний раз в жизни Цветаева служила в ряде госучреждений. Выступала с чтением стихов, начала писать прозу и драматические произведения. В 1922 году вышел последний прижизненный сборник в России «Версты». Вскоре Цветаева со старшей дочерью Алей (младшая, Ирина, умерла в приюте от голода и болезни) уехала в Прагу для воссоединения с мужем, Сергеем Эфроном. Через три года перебралась с семьей в Париж. Вела активную переписку (в частности, с Борисом

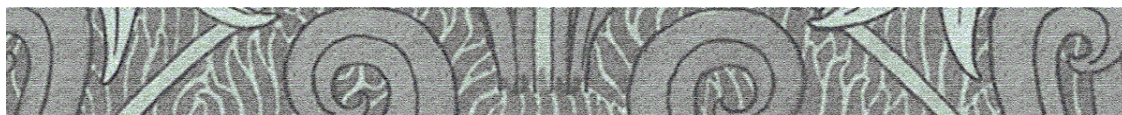
Пастернаком и Райнером Марией Рильке), сотрудничала в журнале «Версты». Большая часть новых произведений оставалась неопубликованной, хотя проза, в основном в жанре мемуарного эссе, в эмигрантской среде пользовалась определенным успехом.

Однако и в эмиграции, как и в Советской России, поэзия Цветаевой не находила понимания. Она была «не с теми, не с этими, не с третьими, не с сотыми... ни с кем, одна, всю жизнь, без книг, без читателей... без круга, без среды, без всякой защиты, причастности, хуже чем собака...» (из письма Юрию Иваску, 1933 год). После нескольких лет нищеты, неустроенности и отсутствия читателей Цветаева вслед за мужем, который с подачи НКВД оказался замешан в заказном политическом убийстве, вернулась в СССР. Стихов почти не писала, зарабатывала переводами. После начала Великой Отечественной войны (муж и дочь к этому времени уже были арестованы) отправилась с шестнадцатилетним сыном Георгием в эвакуацию.

31 августа 1941 года Марина Цветаева покончила с собой. Точное место захоронения на кладбище в Елабуге (Татарстан) неизвестно.

Настоящее возвращение Цветаевой к читателю началось в 1960–1970-е годы. Цветаевская исповедальность, эмоциональная напряженность и образный, стремительный, насыщенный смыслами язык оказались созвучны новой эпохе – в последней четверти XX века, наконец, «настал черед» ее стихам. Самобытную, во многом новаторскую поэтику Цветаевой отличает огромное интонационное и ритмическое разнообразие (в том числе использование фольклорных мотивов), лексические контрасты (от просторечия до библейской образности), необычный синтаксис (изобилие знака «тире», часто опускаемые слова).

Нобелевский лауреат Иосиф Бродский отмечал: «Цветаева мастерски владеет ритмом, это ее душа, это не просто форма, а активное средство воплощения внутренней сути стиха. „Непобедимые ритмы“ Цветаевой, как определил их Андрей Белый, завораживают, берут в плен. Они неповторимы и потому незабываемы!»

«Не смейтесь вы над юным поколеньем!»

Не смейтесь вы над юным поколеньем!
Вы не поймете никогда,
Как можно жить одним стремленьем,
Лишь жаждой воли и добра...

Вы не поймете, как пылает
Отвагой бранной грудь бойца,
Как свято отрок умирает,
Девизу верный до конца!

Так не зовите их домой
И не мешайте их стремленьям, —
Ведь каждый из бойцов — герой!
Гордитесь юным поколеньем!

1906

В Париже

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде все пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Париж, июнь 1909

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

В Люксембургском саду

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях все детки, все детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
– «Подумайте, сын мой»... – «Да что вы! А мой».

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, –
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское – счастье мое!

Мука́ и му́ка

– «Все перемелется, будет мукой!»
Люди утешены этой наукой.
Станет мукою, что было тоской?
Нет, лучше мукой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победны над скукой.
Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше мукой!

В. Я. Брюсову

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли, —
Не изменишь, все равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.

Нужно петь, что все темно,
Что над миром сны нависли...
— Так теперь заведено. —
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

Зимой

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!

Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

Маме

Как много забвением темным
Из сердца навек унеслось!
Печальные губы мы помним
И пышные пряди волос,

Замедленный вздох над тетрадкой
И в ярких рубинах кольцо,
Когда над уютной кроваткой
Твое улыбалось лицо.

Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слез на ресницах,
Когда умолкала рояль.

«Мы с тобою лишь два отголоска...»

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора,
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

Только девочка

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк
И помнить: я – овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

В пятнадцать лет

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
– Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

Душа и имя

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забить не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

Старуха

Слово странное – старуха!
Смысл неясен, звук угрюм,
Как для розового уха
Темной раковины шум.

В нем – непонятое всеми,
Кто мгновения экран.
В этом слове дышит время
В раковине – океан.

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пяльцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

«Посвящаю эти строки...»

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
«Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все».

В платье белоснежном – с детства
Нелюбимый цвет! –
Лягу – с кем-то по соседству? –
До скончанья лет.

Слушайте! – Я не приемлю!
Это – западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю! – Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

Москва, весна 1913

«Идешь, на меня похожий...»

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

«Моим стихам, написанным так рано...»

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, 13 мая 1913

«Солнцем жилки налиты – не кровью...»

Солнцем жилки налиты – не кровью –
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
– Странно чувствовать так сильно
и так просто
Мимолетность жизни – и свою.

15 мая 1913

«Вы, идущие мимо меня...»

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, –
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
– И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

«Сердце, пламени капризней...»

Сердце, пламени капризней,
В этих диких лепестках,
Я найду в своих стихах
Все, чего не будет в жизни.

Жизнь подобна кораблю:
Чуть испанский замок – мимо!
Все, что неосуществимо,
Я сама осуществляю.

Всем случайностям навстречу!
Путь – не все ли мне равно?
Пусть ответа не дано –
Я сама себе отвечу!

С детской песней на устах
Я иду – к какой отчизне?
– Все, чего не будет в жизни
Я найду в своих стихах!

Коктебель, 22 мая 1913

«Мальчиком, бегущим резво...»

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость – жизнь мне, имя – шалость.
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
– Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
– Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ...
– Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

29 мая 1913

«Я сейчас лежу ничком...»

Я сейчас лежу ничком
– Взбешенная! – на постели.
Если бы Вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
– Слышите, мой ученик? –

В золоте и в серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
– Слышите, мой ученик?

И безудержно – мой конь
Любит бешеную скачку! —
Я метала бы в огонь
Прошлого – за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
– Слышите, мой ученик? –

А когда бы улеглась
Эта пепельная груда, –
Господи, какое чудо
Я бы сделала из Вас!

Юношей воскрес старик!
– Слышите, мой ученик? –

А когда бы Вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки.

Чувствуя, что ты – велик!
– Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

«Идите же! – Мой голос нем...»

Идите же! – Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других —
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла.

11 июля 1913

Байрону

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах – очень длинных —
В волнистых волосах,
И обо всех – в аллеях и в гостиных —
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых – слишком юный –
Вы не имели времени прочесть
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемной зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы – мне, я – Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

Ялта, 24 сентября 1913

«Уж сколько их упало в эту бездну...»

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

– К вам всем – что мне, ни в чем
не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне – прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

«Быть нежной, бешеной и шумной...»

Быть нежной, бешеной и шумной,
– Так жаждать жить! –
Очаровательной и умной, –
Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины...
– О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед! –
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,

Забыть, как сердце раскололось
И вновь срослось,
Забыть свои слова и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной –
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как зарисовывая тучку
Издалека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются – так надо –

– О, пожалей! –
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей –

Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! –
Моя земля, прости навеки,
На все века.

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Феодосия, Сочельник 1913

Генералам двенадцатого года

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера –
Малютки-мальчики, сегодня –
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок – самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустёртой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как – мне кажется – могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...

И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы все могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие –
И весело переходили
В небытие.

Феодосия, 26 декабря 1913

«Над Феодосией угас...»

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

С.Э.

(«Я с вызовом ношу его кольцо...»)

Я с вызовом ношу его кольцо
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. –
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями распахнутых бровей –
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.
– Всем вам, кто жил и умирал без страху.
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.

Коктебель, 3 июня 1914

Але

1

«Ты будешь невинной, тонкой...»

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала —
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Все будет тебе покорно,
И все при тебе – тихи.
Ты будешь, как я – бесспорно —
И лучше писать стихи...

Но будешь ли ты – кто знает —
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

5 июня 1914

2

«Да, я тебя уже ревную...»

Да, я тебя уже ревную,
Такою ревностью, такой!
Да, я тебя уже волную
Своей тоской.

Моя несчастная природа
В тебе до ужаса ясна:
В твои без месяца два года —
Ты так грустна.

Все куклы мира, все лошадки
Ты без раздумия отдашь —
За листик из моей тетрадки
И карандаш.

Ты с няньками в какой-то ссоре
Все делать хочется самой.
И вдруг отчаянье, что «море
Ушло домой».

Не передашь тебя – как гордо
Я о тебе ни повествуй! —
Когда ты просишь: «Мама, морду
Мне поцелуй».

Ты знаешь, все во мне смеется,
Когда кому-нибудь опять
Никак тебя не удастся
Поцеловать.

Я – змей, похитивший царевну, –
Дракон! – Всем женихам – жених! –
О свет очей моих! – О ревность
Ночей моих!

6 июня 1914

«Милый друг, ушедший дальше, чем за море!»

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
Вот Вам розы – протянитесь на них.
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута и я обокрадена, –
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного – навеки – лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд – приглашающий сестъ,
И улыбка из великого Издали, –
Умирающего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
– Свежий холмик меж других бугорков! –
Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

«Не думаю, не жалеюсь, не спорю...»

Не думаю, не жалеюсь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного ижданного подарка
Не жду.

Не радуют ни утро, ни трамвая
Звонящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.

На, кажется, надрезанном канате
Я – маленький плясун.
Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик
Двух темных лун.

13 июля 1914

«Я видела Вас три раза...»

Я видела Вас три раза,
Но нам не остаться врозь.
– Ведь первая Ваша фраза
Мне сердце прожгла насквозь!

Мне смысл ее так же темен,
Как шум молодой листвы.
Вы – точно портрет в альбоме,
И мне не узнать, кто Вы.

Здесь все – говорят – случайно,
И можно закрыть альбом...
О, мраморный лоб! О, тайна
За этим огромным лбом!

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски:
Моя золотая грива
Не знает ничьей руки.

Мой дух – не смирен никем он.
Мы – души различных каст.
И мой неподкупный демон
Мне Вас полюбить не даст.

– «Так что ж это было?» – Это
Рассудит иной Судья.
Здесь многому нет ответа,
И Вам не узнать – кто я.

13 июля 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица —
Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, — кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли
И невозможностей — сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
— Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от Вас ли?..

4 сентября 1914

«Под лаской плюшевого пледа...»

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? —
Кто побежден?

Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Все дьявольски – наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

«Сегодня таяло, сегодня...»

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане —
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабана
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный – этот вот,
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

«Хочу у зеркала, где муть...»

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе —

Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...
– Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

«Вспомяните: всех голов мне дороже...»

Вспомяните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе... – Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.

6 мая 1915

«Радость всех невинных глаз...»

Радость всех невинных глаз,
– Всем на диво! —
В этот мир я родилась —
Быть счастливой!

Нежной до потери сил,

Только памятью смутил
Бог – богиню.

Помню ленточки на всех
Детских шляпах,
Каждый прозвеневший смех,
Каждый запах.

Каждый парус вдалеке
Жив – на муку.
Каждую в своей руке
Помню руку.

Каждое на ней кольцо
– Если б знали! –
Помню каждое лицо
На вокзале.

Все прощанья у ворот.
Все однажды...
Не поцеловавший рот —
Помню – каждый!

Все людские имена,
Все собачьи...
– Я по-своему верна,
Не иначе.

3 декабря 1914

«Безумье – и благоразумье...»

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть —

Во мне. – Все каторжные страсти
Свились в одну! –
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну!

Я знаю весь любовный шепот,
– Ах, наизусть! –
– Мой двадцатидвухлетний опыт –
Сплошная грусть!

Но облик мой – невинно розов,
– Что ни скажи! –
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой как мячик
– Ловимый вновь! –
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет...

От скрипки – от автомобиля –
Шелков, огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!

От боли, что не я – невеста
У жениха...
От жеста и стиха – для жеста
И для стиха!

От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, – раз голос мой нежнее,
Когда я лгу...

3 января 1915

Анне Ахматовой

Узкий, нерусский стан –
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод – в весельи, зной –
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь – озноб,
И завершится – чем она?
Облачный – темен – лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
– Кажется, четверть пятого, –
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

«Легкомыслие! – Милый грех...»

Легкомыслие! – Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мои вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научил не хранить кольца, –
С кем бы жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.

Быть, как стебель, и быть, как сталь,
В жизни, где мы так мало можем...
– Шоколадом лечить печаль
И смеяться в лицо проходим!

3 марта 1915

«Что видят они? – Пальто...»

Что видят они? – Пальто
На юношеской фигуре.
Никто не узнал, никто,
Что полы его, как буря.

Остер, как мои лета,
Мой шаг молодой и четкий.
И вся моя правота
Вот в этой моей походке.

А я уйду навек
И думаю: день весенний
Запомнит мой бег – и бег
Моей сумасшедшей тени.

Весь воздух такая лесь,
Что я быстроту удвою.
Нет ветра, но ветер есть
Над этою головою!

Летит за крыльцом крыльцо,
Весь мир пролетает сбоку.
Я знаю свое лицо.
Сегодня оно жестоко.

Как птицы полночный крик,
Пронзителен бег летучий.
Я чувствую: в этот миг
Мой лоб рассекает – тучи!

Вознесение 1915

«Мне нравится, что Вы больны не мной...»

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас на головах,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами.

3 мая 1915

«Какой-нибудь предок мой был – скрипач...»

Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый.

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был, – лихой
И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус,
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что – трус
Был мой желтоглазый предок.

Что, душу черту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем!
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем.

Что не однажды из-за угла
Он прыгал – как кошка – гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он – *не* играл на скрипке!

И было все ему нипочем, –
Как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким поэтом.

23 июня 1915

«Спят трещотки и псы соседовы...»

Спят трещотки и псы соседовы, –
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный, не выводывай,
Для чего развожу засов.

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов – и зорких птиц,
Заговорщиков час – и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс...
Здесь, у маленькой Богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,
Шелест шелка вокруг колен...
О, возлюбленный, – видишь, вот она –
Отравительница! – Кармен.

5 августа 1915

«С большою нежностью – потому...»

С большою нежностью – потому,
Что скоро уйду от всех –
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому – разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому – серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И все – записки, и все – цветы,
Которых хранить – невмочь...
Последняя рифма моя – и ты,
Последняя моя ночь!

22 сентября 1915

«В гибельном фолианте...»

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – Aps Amandi*
Женщине – вся земля.

Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.

Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

29 сентября 1915

«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!»

Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет выюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

«Два солнца стынут – о Господи, пощади!»

Два солнца стынут – о Господи, пощади!
Одно – на небе, другое – в моей груди.

Как эти солнца – прошу ли себе сама? –
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

6 октября 1915

«Цыганская страсть разлуки!»

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки,
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

«Даны мне были и голос любый...»

Даны мне были и голос любый,
И восхитительный выгиб лба.
Судьба меня целовала в губы,
Учила первенствовать Судьба.

Устам платила я щедрой данью,
Я розы сыпала на гроба...
Но на бегу меня тяжелой дланью
Схватила за волосы Судьба!

Петербург, 31 декабря 1915

«Никто ничего не отнял!»

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар – неравен,
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не шурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

«Ты запрокидываешь голову...»

Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста –

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика, –
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!

18 февраля 1916

«Откуда такая нежность?»

Откуда такая нежность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.